

DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.058
УДК 94(470.54-25)“19/20” +
+ 316.334.56:711.4 + 39 + 304.3

О. Н. Яхно
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

ЕКАТЕРИНБУРГ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена изучению трансформаций городского пространства Екатеринбурга в условиях социально-экономических перемен конца XIX — начала XX в., связанных с развитием транспортной и промышленной инфраструктуры, ростом населения и превращением в «образцовый капиталистический город». Изменения деятельности горожан в экономической, общественно-политической, культурной, образовательной и досуговой сферах требовали соответствующего пространственного, физического оформления. Выделены важнейшие территориальные зоны концентрации (кластеры) зданий и элементов инфраструктуры, начавшие задавать специализацию конкретных частей города. Можно выделить коммерческий и финансовый кластер в западной части, медицинский в северо-западной части и досуговой в восточной части города. Ключевые социальные системы — религиозная и образовательная — имели тенденцию охватывать город целиком. Также отмечается, что в ходе жилой застройки не произошло жесткого размежевания богатых и бедных районов даже в центре города. Сформировавшаяся в рассмотренный период специализация различных частей центра города продолжила оказывать влияние на развитие планировочной структуры Екатеринбурга-Свердловска, закрепляя своеобразное разделение между финансово-коммерческой правобережной и культурно-общественной левобережной частями города. Отмечается слабое экономическое освоение восточной границы Екатеринбурга, северного привокзального района и в особенности южных районов — единственного направления, в котором могла расти жилая застройка. Но рост вел к формированию диспропорций: новые районы оказывались слабо охвачены церковными и учебными учреждениями. Подобные диспропорции отнесли к числу наиболее крупных вызовов на путях развития крупных городских центров России, являвшихся «локомотивами» позднеимперской модернизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбург; повседневная жизнь; городское пространство; функциональные кластеры; инфраструктура; жилая среда; образ жизни

Ц и т и р о в а н и е: Яхно О. Н. Екатеринбург на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в организации городского пространства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 23–39. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.058>

Поступила в редакцию: 28.04.2023

Принята к печати: 09.11.2023

Olga N. Yakhno

Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia**EKATERINBURG AT THE TURN OF THE 20th CENTURY:
TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE ORGANISATION
OF URBAN SPACE**

This article studies the transformations of the urban space of Ekaterinburg in the conditions of socioeconomic changes in the late nineteenth – early twentieth centuries, associated with the development of transport and industrial infrastructure, population growth, and transformation into a “model capitalist city”. Changes in the activities of citizens in the economic, sociopolitical, cultural, educational, and leisure spheres required appropriate spatial and physical design. The article identifies the most important territorial zones of concentration (clusters) of buildings and infrastructure elements that began to set the specialisation of specific parts of the city. One can distinguish a commercial and financial cluster in the western part, a medical cluster in the northwestern part, and a leisure cluster in the eastern part of the city. The key social systems – religious and educational – tended to encompass the whole city. It is also noted that during the residential development, there was no strict separation of rich and poor districts even in the city centre. The specialisation of different parts of the city centre formed during the period under consideration, continued to influence the development of the planning structure of Ekaterinburg-Sverdlovsk, consolidating a peculiar division between the financial and commercial right-bank and cultural and social left-bank parts of the city. There was little economic development of the eastern border of Ekaterinburg, the northern station area, and especially the southern districts, which was the only direction that could be occupied by residential development. However, the growth led to a disproportion, as there were no religious or educational institutions in the area. Such disproportions were among the most important challenges faced by the large urban centres of Russia, which were the driving force of late Imperial modernisation.

Key words: Ekaterinburg; everyday life; urban space; infrastructure; living environment; lifestyle; functional clusters

For citation: Yakhno, O. N. (2023). Ekaterinburg na rubezhe XIX–XX vv.: traditsii i novatsii v organizatsii gorodskogo prostranstva [Ekaterinburg at the Turn of the 20th Century: Traditions and Innovations in the Organisation of Urban Space]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 23–39. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.058>

*Submitted: 28.04.2023**Accepted: 09.11.2023*

В последние годы наблюдается растущий интерес к изучению истории трансформации городских пространств в России рубежа XIX–XX вв., в том числе и Екатеринбурга [Постников]. В целом, изучению организации городского пространства посвящен достаточно широкий круг работ [Букин, Пискунов;

Зорина, Слукин; Корепанов; Рабинович, Низамутдинова; Худякова]. Настоящая статья имеет целью дать обобщающий анализ проблемы. Изучение городской среды сегодня предполагает понимание ее как комплекса взаимосвязанных материальных и нематериальных условий, влияющих на процессы реализации «разнообразных потребностей населения» [Нотман, с. 106]. Плотность застройки, развитие транспортных коммуникаций и способов распространения информации, территориальное зонирование дают богатый материал для реконструкции экономической, социальной, культурной жизни города в конкретно-исторический период.

Городское пространство Екатеринбурга, как и многих других городов России, претерпело крупные изменения во второй половине XIX — начале XX в., связанные с интенсивным ростом и изменением экономической структуры. В отличие от большинства крупных городов России, Екатеринбург был создан в XVIII в. как завод-крепость, центр управления горной промышленностью Урала. Специфика его развития как административного центра проявлялась в экономике, социальном составе жителей, регулярной организации городского пространства. Хотя в 1857 г. Екатеринбург утратил статус горного города и превратился в обычный уездный «гражданский» город, планировочное наследие горнозаводской эпохи продолжало оказывать влияние на развитие. «Великие реформы» 1860-х гг. открыли новую главу в истории Екатеринбурга, запустив процесс ускоренной капиталистической модернизации.

Географическое пространство развития «столицы Урала» определялось чередованием высот, формировавших так называемый «естественный амфитеатр» [Голобородский, с. 10], доминантами которого выступали Московская, Вознесенская, Обсерваторская горки и реки. Главной водной магистралью Екатеринбурга была р. Исеть, делившая его на левобережную и правобережную части. Она была запружена в четырех местах, образуя Верх-Исетский, Городской, Парковый и Нижнеисетский пруды [Постников]. Кроме плотин, через реку были перекинuty мосты, которых на территории Екатеринбурга к началу XX в. насчитывалось три: Каменный по Покровскому проспекту, Царский — по Александровскому, Симановский — по Северной улице. Притоки Исети, такие как Мельковка, Камышенка (Монастырка), Малаховка и др., оказывали огромное влияние на застройку Екатеринбурга, выступая в роли естественных преград и одновременно хозяйственных водоемов. Водоемы также использовались в качестве места отдыха и развлечений горожан. По берегам реки Исети были разбиты сады, организованы общественные и частные купальни; за порядком на набережных городского пруда следили полицмейстер и приставы, так как «купальщики разоблачаются и лезут в воду, где попало, на виду у массы публики...» [Рудокоп]. К примеру, у Царского моста в 1903 г. мещанин Усачов (бывший городской) устроил купальни с отделениями для мужчин, женщин и детей [Урал, 1903, 20 июня]. Правда, сохранились не совсем лестные описания набережной городского пруда: перила ограждения «сгнили и наполовину вывалились, каменные столбы облезли, кирпичи во многих местах из них

вынуты. Около пруда маленький сквер, который почти без всякого присмотра» [Злоказов, Семенов, с. 513].

Экономика города трансформировалась: прекратили существование казенные механическая фабрика, монетный двор, снизились поступления «шальных денег» от золотодобычи. Основой городской экономики стали легкая и пищевая промышленность, кустарное производство и промыслы, оптовая торговля зерном и скотом. Екатеринбург являлся центром Исетского мукомольного района [Микитюк, 2020, с. 100]; зримым выражением роли города как узла зерновой торговли стало возведение крупных мельниц — Ивановской паровой вальцово-мельницы и мельницы Борчанинова-Первушина. Крупнейшим по числу работников промышленным предприятием Екатеринбурга начала XX в. являлась льнопрядильно-ткацкая фабрика товарищества «Братья Макаровы». Можно констатировать: ориентацию екатеринбургской промышленности на удовлетворение государственного заказа сменила ориентация на потребительский рынок. В. П. Микитюк подчеркивает: «Екатеринбург на рубеже XIX–XX вв. превратился в один из наиболее развитых в торгово-промышленном отношении городов Урала. В 1910 г. в городе насчитывалось 622 лавки и магазина, 44 промышленных предприятия. В 1914 г. в Екатеринбурге действовало 919 торговых точек и 94 промышленных заведения» [Микитюк, 2016, с. 165].

Хозяйственные перемены сопровождались интенсивным ростом населения: за период с 1857 по 1897 г. оно увеличилось с 13 до 43,2 тыс. жителей [Первая всеобщая перепись..., с. 1; Кузьмин, Оруджиева, с. 96], а в 1915 г. достигла 112 тыс. человек [Бахарев, Заболотных, с. 902]. В начале XX в. Екатеринбург вошел в число крупных городов с населением свыше 50 тыс. жителей; согласно общероссийской переписи населения 1897 г. к числу таких городов относился лишь каждый двадцатый город империи [Кошман, с. 58]. Рост населения сопровождался изменением структуры городского сообщества, ростом неравенства в доходах его жителей: значительно увеличился удельный вес социальных слоев и групп, связанных с активно формировавшимся капиталистическим укладом. Как отмечал публицист и краевед В. А. Весновский, «появилась возбужденность, лихорадочная деятельность, нахлынули новые неведомые люди: адвокаты, инженеры, немцы, евреи. На место “первых людей” выходят “винные короли”, торговцы водкой, крупные мукомолы, банковские дельцы и разного рода ловкие аферисты» [Весновский, с. 15]. Преобразилась и структура потребления, — например, смена кулинарных привычек екатеринбуржцев привела к возникновению на рубеже XIX–XX вв. в городе макаронного, конфетного, пивоваренного производства; формируется сегмент демократичного общественного питания — чайных, народных столовых, кухмистерских [Микитюк, Яхно, с. 97–101]. И по численности населения, и по масштабам экономической деятельности Екатеринбург начала XX в. был сопоставим с такими губернскими центрами, как Пермь и Уфа. Наблюдатели, посещавшие Екатеринбург на рубеже столетий, называли его городом «американского склада» [Екатеринбургская неделя].

К началу XX в. Екатеринбург находился в границах улиц Северная (современная Челюскинцев) — Московская — 2-я Восточная (современная Восточная). С запада, севера и востока город был окружен землями Верх-Исетского завода, казны и полосой отчуждения Пермской железной дороги [Екатеринбург, с. 103]; и только на юге оставалось место для роста городской застройки, достигшей 4-й Загородной улицы (современная Щорса) [Зорина, Слукин, с. 24]. В 1878 г. Екатеринбург был связан железной дорогой с Пермью; к началу XX в. город становится крупнейшим железнодорожным узлом. Это в значительной мере изменило географию Екатеринбурга — не только появлением нового Арсеньевского проспекта [Козинец, с. 125], но и созданием условий для роста промышленной зоны. Достаточно сказать, что размещение упомянутых выше мельничных комплексов определялось именно близостью их к железной дороге.

По состоянию на 1889 г. в Екатеринбурге имелось 582 каменных дома, 575 полукаменных и 4335 деревянных; вместе эти жилые помещения формировали 44,8 % от общего числа построек; еще 23,7 % приходилось на домашние бани и 26,2 % — на надворные строения [Город Екатеринбург, с. 76]; к 1904 г. каменных зданий было 602, полукаменных — 587, деревянных — 4834; по числу каменных сооружений Екатеринбург превосходил любое поселение губерний Урала, за исключением Оренбурга [Города России..., с. 162–163]. К 1923 г. в Екатеринбурге (не считая поселка Верх-Исетского завода) имелось 17 177 строений в 4373 владениях [Екатеринбург за 200 лет, с. 269], жилой фонд к началу Первой мировой войны превысил 500 000 кв. м, достигнув показателя примерно в 6,8 кв. м общей площади на одного жителя [Лыжин, с. 78]. Это были почти сплошь одноэтажные строения; двух- и трехэтажных домов насчитывалось менее 1 %. Собственные дома имели около 30 % жителей города, остальные снимали квартиры; на каждый дом в среднем приходилось около 7 человек, на каждую комнату (считая кухни) — 2 человека. Такая плотность расселения была в общем характерна для всех крупных городов Урала. Аренда жилья в Екатеринбурге по состоянию на 1904 г. обходилась заметно дороже, чем в любом другом городе региона, опять-таки исключая Оренбург [Города России..., с. 178]. В то же время в Перми, не говоря уже о других городах губернии, стоимость проживания в аналогичной квартире не превышала 180 руб. [Верхоланцев, с. 11]. Наиболее состоятельные горожане — купцы, промышленники, крупные чиновники, высокооплачиваемые специалисты — в основном предпочитали селиться на центральных улицах, тяготевших к Исети. Именно здесь были сконцентрированы двух- и трехэтажные каменные дома. Зачастую на их первом этаже находились магазины, конторы и т. д., а на верхних — жилые помещения, как правило, это были благоустроенные квартиры с большим количеством комнат, отоплением, водоснабжением и канализацией в здании. Рост деловой активности стимулировал строительство в центральной части города доходных домов.

Богатейшие горожане возводили для себя усадьбы. Усадебная застройка имела общие черты: жилой дом ставился на красной линии улицы, за ним — вспомогательные строения, за ними — сады. Состав строений в усадьбе был

довольно разнообразным, в целом число построек, связанных с домашним производством, сокращалось, хотя у таких групп городского населения, как ремесленники, извозчики, мелкие торговцы, еще долго сохранялись мастерские, конюшни, склады и другие помещения. Сокращение городского двора с течением времени происходило не только за счет освобождения от построек производственного назначения, но и в результате рационализации быта, уменьшения числа и упрощения строений бытового назначения. К 1914 г. в Екатеринбурге насчитывалось 16 гостиниц и 39 постоянных дворов. По внешнему виду лучшей гостиницей в городе была «Американская» — на углу Покровского проспекта и Златоустовской улицы. Популярностью пользовались гостиничные рестораны.

Четкого размежевания богатых и бедных районов города в полной мере не произошло, и даже в центре города здания богачей нередко соседствовали с непрезентабельными домиками малоимущих. На городских окраинах это было обычным явлением. В 1901 г. газета «Уральская жизнь» отмечала, что «...в 1-й Мельковской улице, в стороне пруда есть целый квартал полусгнивших, покосившихся хибарок, тесно примыкающих друг к другу. Хотя по распоряжению управы в таких местах возводить какие-либо постройки нельзя, но... обыватели продолжают укреплять и отстраивать свои ветхие лачуги, являющиеся прекрасным материалом для огня» [Уральская жизнь, 1901, 27 июля]. Окраины имели скверную репутацию, получали хлесткие имена — так, городская пресса фиксирует Амур (Амурскую гору, ныне — Московская горка) и Колмогоровку в западной части Екатеринбурга, в районе Коковинской площади и тюремного замка [Урал, 1903, 20 апр.], Верхний Дунай в районе пересечения Харитоновской и Луговой улиц [Уральский край, 1911, 27 мая], Курейка между дачами Злоказовых и Макаровых [Зауральский край] и др. В южной части возник цыганский поселок, по имени которого, очевидно, была названа обширная Цыганская площадь.

Развитие уличной сети не успевало за ростом населения и расширением жилого пространства. К 1923 г. улично-дорожная система города имела протяженность 175 верст (около 186 км), замощено было при этом около пятой части всех дорог [Екатеринбург за 200 лет, с. 269]. За пределами центра с его мощеными улицами город весной и осенью утопал в грязи, а летом случались чуть ли не пыльные бури; в 1903 г. Екатеринбург получил в прессе характеристику «уральской песочницы» [Урал, 1903, 24 июня]. Электрическое освещение отдельных участков улиц появилось в Екатеринбурге с 1885 г. В 1894 г. была введена в строй городская электростанция, позволившая осветить несколько центральных улиц; в планах даже было введение световой рекламы на уличных экранах на американский манер [Слово Урала]. В 1903 г. на улицах города появился первый автомобиль [Микитюк, 2018, с. 44]. Екатеринбург насчитывал 18 площадей и 12 площадей-пространств без названия. Традиционно они являлись местами торговли и развлечений горожан.

Коммунальная инфраструктура оставалась слабым местом Екатеринбурга. Водопровод в городе отсутствовал; по состоянию на 1913 г. Екатеринбург

снабжался водой из 29 источников [Уральская жизнь, 1913, 12 дек.]. Крупнейшим из них являлся Малаховский ключ. Важным элементом городской среды были общественные сады и парки. Как отмечает Т. Б. Сродных, вплоть до 1860-х гг. озеленение Екатеринбурга носило по преимуществу частновладельческий характер; исключением являлись Верх-Исетский бульвар и бульвар на Главном проспекте [Сродных, с. 48–49]. Однако с 1860-х гг. складывается система общественных скверов, выполнявших как рекреационную, так и санитарно-оздоровительную функцию. В 1914 г. в Екатеринбурге имелось 6 крупных общественных садов и скверов: Харитоновский, Клубный, Железнодорожный (на плотине городского пруда) и Нуровский скверы, скверы Вознесенского и Главного бульваров [Весь Екатеринбург..., с. 147]. Сквер был разбит и у здания вокзала; он стал первым общественным пространством города, в котором появились клумбы. Предполагалось разбить сквер и на Пушкинской улице, но соответствующее решение местных властей так и не было проведено в жизнь [Уральская жизнь, 1912, 5 июня]. Общественные скверы и парки дополняли частные сады, разбитые при многих усадьбах. Особенно славились сады Симановых, Нуровых, Казанцевых.

Средоточием коммерческой и финансовой стройки стала западная часть города, приобретшая торговую функцию еще в XVIII в. — пространства Торговой и Хлебной площадей. На первой располагались торговые ряды; на второй — мясной, обжорный и фруктовый ряды, сенные балаганы, велась мелочная и бакалейная торговля, а по воскресеньям работал птичий рынок, в лавках вдоль Уктусской улицы, выходящих на площадь, торговали железом и «железными товарами». К началу XX в. коммерческих площадей перестало хватать; возник проект сооружения нового Гостиного двора на Торговой площади [Звагельская, 2008, с. 128]. Композиционной доминантой должен был стать Пассаж, который планировали выстроить из железобетона, оснастить водопроводом, канализацией, паровым отоплением, электрическим освещением. В случае осуществления этого проекта в Екатеринбурге появился бы самый крупный и современный торговый комплекс Урала [Звагельская, 2007, с. 112]. Буксовало строительство нового Гостиного двора. В 1916 г. в деловом центре началось сооружение товарной биржи. Кроме того, в районе площади были выстроены здания Городской думы с Городским общественным банком и Русско-Азиатский банк, здание которого было специально спроектировано для осуществления банковских операций. Осталось проектом «грандиозное здание Северного банка на углу Покровского проспекта и Успенской улицы» [Уральский край, 1908, 28 сент.]. К этой же части города тяготели лучшие рестораны города (общим числом 12), размещавшиеся в пределах четырехугольника улиц Усольцевская — Клубная — Водочная — Покровский проспект; большинство их тяготело к улицам Успенской и Пушкинской [Микитюк, Яхно, с. 135]. Именно этот район Д. С. Бахарев и А. В. Бобицкий аттестуют как средоточие деловой жизни Екатеринбурга начала XX в. [Бахарев, Бобицкий, с. 126].

Кластер общественных зданий складывался в восточной части города. Еще в 1847 г. был основан Городской театр. Для него на пересечении Главного

и Вознесенского проспектов построили специальное здание. С конца XIX в. в этом районе формируется культурно-развлекательный центр города. В 1896 г. в городском театре состоялся первый в Екатеринбурге сеанс «синематографа», а с 1912 г. здание начало использоваться только для демонстрации кино. В 1873 г. было открыто Общественное собрание, занявшее здание на углу Вознесенского проспекта и улицы Клубной; с 1880-х гг. при собрании работал сад [Казакова-Апкаримова, с. 112–113]. В 1900 г. было построено здание концертного зала, в 1909 г. — кинематограф «Лоранж», в 1912 г. — кинотеатр «Художественный», в 1915 г. возведено здание Коммерческого собрания, в 1916 г. — здание городской публичной библиотеки им. В. Г. Белинского. Важным событием в культурной жизни Екатеринбурга стало открытие в 1912 г. Нового городского театра, расположенного на Дровяной площади. М. Г. Ростовская-Ковалевская, которая пела на сцене театра, вспоминала, что театр порадовал артистов и зрителей своей красотой и удобством. «Серебристо-серый, он гордо высился на большой площади, и скромные одно-двухэтажные особнячки робко отступали перед ним. Нас привели в восторг специальные гардеробные комнаты, в каждой из которых стоял шкаф для сохранения личных артистических костюмов, гримировальные столики с зеркалом-трельяжем, умывальник с горячей и холодной водой. Комнаты были просторные, в них вмещались софа и стулья» [Злоказов, Семенов, с. 579]. В целом плотность культурной жизни города выросла, что было связано с деятельностью целого ряда крупных общественных организаций — Уральского общества любителей естествознания, Уральского общества любителей изящных искусств и мн. др. Е. Ю. Казакова-Апкаримова отмечает: «Типичным для культурного досуга горожан становилось посещение публичных лекций и выставок, литературных и танцевальных вечеров, концертов и спектаклей, чтение... На основе общности интересов формировалась новая коллективная идентичность» [Казакова-Апкаримова, с. 116]. Новые формы досуга были свойственны прежде всего городской интеллигенции [Кончаковская, с. 95–96].

Медицинский кластер был развернут в северо-западной части города. Здесь, на границе города, находился заводской Верх-Исетский госпиталь, с 1911 г. переданный в аренду Екатеринбургскому земству [Черноухов, с. 54]. В 1906 г. была открыта Глазная лечебница имени А. А. Миславского, в 1910 г. вошла в строй первая в городе детская больница при общине Красного Креста; в 1914 г. — заложена психиатрическая больница. Вместе с тем в городе работала широкая сеть частной медицины — врачей, осуществлявших прием на дому или в маленьких лечебницах (самой известной была лечебница врачей-специалистов, с 1914 г. работавшая в доме Флоринского, на углу Покровского проспекта и Пушкинской улицы), от акушеров и дантистов до гигиенистов и косметологов. Старший врач городской больницы А. Я. Эберле в 1919 г. аттестовал больницу так: «Городская больница... есть сплошное недоразумение, выросшее незаметно для всех в продолжение многих лет... рано или поздно, но крест на эту больницу ставить придется» [Уральская жизнь, 1919, 12 февр.].

В таких сферах, как коммерция, здравоохранение, творчество и досуг, территория города фрагментировалась, приобретая специализацию и образуя кластеры. Напротив, ключевые социальные системы — религиозная и образовательная — имели тенденцию охватывать город целиком. К 1917 г. Екатеринбург «имел развитый православный ландшафт: на его территории, включая Верх-Исетский завод, находилось 30 богослужебных зданий Российской Православной Церкви, в том числе пять приходских церквей, три собора и храмовый комплекс женского монастыря I-го класса, включавший пять церквей и собор» [Бахарев, Главацкая, с. 144]. Однако религиозные здания были размещены неравномерно: важнейшие церкви — Богоявленский и Екатерининский соборы, Александро-Невский собор в Ново-Тихвинском монастыре — были выстроены еще в первой половине XIX в., а последним по времени в дореволюционный период крупным церковным сооружением стала возведенная в 1876 г. Максимилиановская церковь (Большой Златоуст) близ Торговой площади. Крупнейшим же культовым ансамблем являлся Ново-Тихвинский женский монастырь, занимавший юго-западную часть старого планировочного ядра Екатеринбурга. Недалеко от него, на улице Архиерейской, находились управляющие органы Екатеринбургской епархии. М. В. Голобородский отмечает, что к середине XIX в. сформировалась четкая градостроительная структура православного церковного ландшафта в виде двух линий с высотными доминантами на крупных площадях: по Главному проспекту (Торговая площадь с Богоявленским собором — Екатерининская церковь) и по Александровскому проспекту (Щепная площадь с ансамблем Ново-Тихвинского монастыря — Сенная площадь и район Царского моста с комплексом церковных сооружений) [Голобородский, с. 11].

Средние учебные заведения — их общее число к 1910 г. составило 9 — тоже были распределены по территории города неравномерно и тяготели к углам упомянутого выше прямоугольника церквей и площадей. Часть их располагалась в восточной части города, ближе к формирующемуся культурному кластеру; на левобережье Исети, в пределах современных улиц Малышева — Тургенева (Красноармейская) — К. Цеткин, располагались первая женская гимназия, Екатеринбургский учительский институт и Екатеринбургская художественно-промышленная школа. Крупнейший же образовательный кластер разместился на юго-западе, вокруг Щепной площади и вблизи Ново-Тихвинского монастыря — здесь находились комплекс женского епархиального училища, мужское духовное училище, вторая женская гимназия. В 1914 г. было начато строительство здания Горного института к востоку от железнодорожной линии, однако завершено оно не было [Дашкевич, Рукосуев, с. 173]; Горный институт будет развернут на базе образовательного кластера Щепной площади, и это расположение унаследует от него организованный в 1920 г. Уральский университет.

Существенно больший охват имела сеть начальных учебных учреждений. К 1899 г. в Екатеринбурге было 10 начальных училищ и столько же церковно-приходских школ; с 1908 г. сеть училищ начала быстро расти, и уже к 1916 г. их насчитывалось 28. Они имели сквозную нумерацию; старейшие из них

именовались по церквям, поблизости от которых они были открыты (Тихвинская, Крестовоздвиженская, Спасская), а также получали названия в честь российских деятелей культуры, — как правило, писателей: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. (исключением оказался почетный гражданин Екатеринбурга генерал Богданович, чье имя носила Тихвинская школа); заложенная в 1912 г. школа получила имя в честь Отечественной войны 1812 г. Для школ строились специализированные здания — деревянные либо каменные; на время стройки школы могли занимать частные дома или усадьбы. И если приходские школы в своем размещении были «привязаны» к церквям, то училища образовывали относительно равномерно распределенную систему. Конечно, крупнейшие каменные школьные здания тяготели к площадям и церквям — такие здания были возведены на Хлебной, Сенной, Щепной, Вознесенской площадях. Однако школы помещали и на городской периферии — так, два капитальных здания были сооружены на улице Московской, одно — на улице Северной близ комплекса городской больницы (Богоявленская школа). С началом Первой мировой войны система школ столкнулась с суровым испытанием — здания учебных заведений изымались под лазареты, школы вновь перемещали в частные дома; ряд учебных зданий навсегда сменил профиль на медицинский (Богоявленская школа, школа имени Отечественной войны 1812 г.). С другой стороны, это привело к еще большему расширению сети училищ — школы были открыты на улице Уктусской (8 Марта) и Спасской (С. Разина), сместив границу охвата на юг и юго-запад. Таким образом, сеть начальных школ полностью охватила город по трем направлениям — северному, восточному и западному. На юге своего рода границей оказалась улица Загородная (Фрунзе) и район Цыганской площади. Слабо был охвачен и северо-восток города за Вознесенской горкой. К 1922 г. в Екатеринбурге (с учетом поселка Верх-Исетского завода) имелось 58 общеобразовательных школ, воспроизводивших дореволюционную систему.

О том, что школы воспринимались как важный элемент развития периферийных городских пространств, говорит тот факт, что в 1912 г. группа жителей Малаховской площади обращалась в городскую управу с просьбой построить на площади школу — не только по той причине, что существующая школа на Сенной площади была чрезмерно удалена от них, но и с расчетом на то, что открытие школы приведет к ликвидации «домов терпимости» (обитатели Малаховской площади предлагали перенести их в южную, вновь осваиваемую часть города — на Цыганскую площадь) [Уральская жизнь, 1912, 14 марта]. В 1913 г. тринадцатая по счету школа была возведена на Малаховской площади. При этом на Цыганской площади школа имени И. С. Тургенева была построена еще в 1909 г.

Система дошкольного образования была в зачаточном состоянии — в 1918 г. было декларировано создание системы «детских площадок»: «Детские площадки, как и детские сады, устраивались до сих пор по инициативе частных лиц и посещались преимущественно детьми имущих классов. Дети трудового народа... почти не попадали туда, им предоставлялось проводить зиму в тесных,

грязных, сырых помещениях, а летом играть на залитых помоями дворах, барахтаться в пыли городских улиц без присмотра» [Уральская жизнь, 1918, 6 июня]. Планировалось организовать четыре «детские площадки»: в Харитоновском саду, на Гимназической набережной, в саду Рязановой при управлении Северо-Восточной Уральской железной дороги, при второй женской гимназии; планировалось организовать дополнительную «площадку» в Цыганской слободе. Хорошо видно: планируемые пять «детских площадок» должны были охватить пять основных районов города.

Д. С. Бахарев и А. В. Бобицкий, анализируя пространственную плотность хозяйственной активности в Екатеринбурге начала XX в., делают вывод: «Довольно слабо экономически освоенными выглядят восточная граница Екатеринбурга, кварталы северного привокзального района и в особенности южных районов» [Бахарев, Бобицкий, с. 127]. Сходную картину дает и анализ размещения крупнейших церковных комплексов и, что особенно важно, начальных училищ. Северо-восточный «угол» Екатеринбурга, расположенный между Вознесенской горкой и железной дорогой, не имел ни церквей, ни начальных школ. Несколько больше повезло юго-восточной части города, где располагалось крупнейшее предприятие Екатеринбурга — льнопрядильно-ткацкая фабрика товарищества «Братья Макаровы»: здесь тоже не было ни крупных церквей, ни школ, однако в относительной близости находился крупнейший социальный узел — комплекс Сенной и Ночлежной площадей. Главной же диспропорцией роста «столицы Урала» следует признать южный район по правому берегу Исети. Самыми южным церковными сооружениями города на 1917 г. являлись Ново-Тихвинский монастырь, Спасская единоверческая церковь и Архиерейская крестовая церковь, расположенные к северу от улицы Болотной (Большакова), в 1900 г. являвшейся границей города. Школьная сеть продвинулась дальше на юг, до района Цыганской площади (современная улица Фрунзе). Однако уже к 1914 г. застройка простиралась до района современной улицы Циолковского — почти километр жилого пространства, не охваченного церковной и учебной инфраструктурой. Именно это южное пространство роста демонстрировало, с какими проблемами столкнулся бы старый Екатеринбург при сохранении интенсивного роста. Городская буржуазия умело перестраивала центральную часть Екатеринбурга, опираясь на унаследованную от эпохи «горного города» социально-пространственную структуру, узлами которой являлись церкви и площади. В пределах этой структуры складывалась та специализация разных частей старого города, которая обрисована выше; можно предполагать, что она получила бы развитие при сохранении такого пути и в послереволюционный период. Рост селитьбы за пределы этой структуры и последующее неизбежное срастание Екатеринбурга с его многочисленными пригородами (прежде всего, поселками Верх-Исетского и Уктусского заводов) стали бы серьезной проблемой для городского самоуправления.

Отображение повседневной жизни растущего Екатеринбурга в целом следовало клише, характерным для описания провинциального города в отечественной

журналистике того времени: в центре внимания находились скука, неблагоустроенность, грязь. Талантливый фельетонист В. П. Чекин — яркая фигура екатеринбургской литературной жизни начала XX в. — с остроумием бичевал недостатки городской коммунальной инфраструктуры; в одном из его фельетонов фигурировал ученый Статистик Статистикович Статистиков, готовивший труд «О скорейшем приобретении на городской счет аэропланов ввиду непроходимости в осеннее, зимнее и весеннее время екатеринбургских улиц» [Клочкова, с. 265]. Едко охарактеризовал Екатеринбург и П. А. Земятченский, почвовед, прибывший в город в 1899 г. в составе экспедиции Д. И. Менделеева: «Правда, город большой, но какой-то унылый, сонный. Как будто он и обустроивается, и как будто разрушается. Особенно неприятное впечатление производит набережная городского пруда, в сущности самой красивой части города... Правда, я был в Екатеринбурге летом, но для большого торгового или промышленного города не должно быть каникул» [Уральская железная промышленность..., с. 348]. Вместе с тем, именно в годы хозяйственного и демографического роста рубежа XIX–XX вв. складывается представление о «столичности» Екатеринбурга [Журавлева, Мельникова, Поршнева, с. 10; Бугров, с. 18]. В 1912 г. город получил в торгово-промышленном справочнике такую характеристику: «Раскинувшись на пространстве в 10 кв. верст, он имеет до 4200 домов. Город освещается электричеством. Имеется телефонная сеть. Водопровода нет и вода берется из городских ключей. Трамвая нет, но мысль о постройке, как и водопровода, есть у городского самоуправления» [Весь Екатеринбург..., с. 106].

Однако столкнуться с вызовом роста пришлось уже не Екатеринбургской городской думе, а Свердловскому городскому совету. Рост города с 1930-х гг. протекал в рамках форсированной индустриализации, приведшей к резкому качественному изменению его основных характеристик как системы поселков с выраженной промышленной специализацией (Большой Свердловск). Тем не менее, сформировавшаяся в рассмотренный период специализация различных частей центра города продолжила оказывать влияние на развитие планировочной структуры Екатеринбурга-Свердловска, закрепляя своеобразное разделение между финансово-коммерческой правобережной и культурно-общественной левобережной частями города.

Источники

Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1919.

Весновский В. А. Весь Екатеринбург. Екатеринбург, 1903.

Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. 1912 г. Год издания III / издания Л. Я. Френкель. Екатеринбург : Электро-тип. А. Р. Вельц, 1912.

Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург : Тип. «Екатеринбургской недели», 1899.

- Города России в 1904. Пермская губ. СПб. : Типо-лит. Ныркина, 1906.
- Екатеринбург за 200 лет (1723–1923) : сб. ст. / под ред. В. М. Быкова. Екатеринбург : Тип. «Гранит», 1923.
- Екатеринбургская неделя. 1890. № 44.
- Зауральский край. 1915. 30 апр.
- Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев. Екатеринбург : ИГЕММО “Lithica” : Музей истории Екатеринбурга, 2000.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. XXXI : Пермская губ. СПб., 1904.
- Рудокон. 1898. 21 июня.
- Слово Урала. 1908. 1 июня.
- Урал. 1903. 20 апр.; 20 июня; 24 июня.
- Уральская железная промышленность в 1899 г., по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб., 1900.
- Уральская жизнь. 1901. 27 июля; 1912. 14 марта; 5 июня; 1913. 12 дек.; 1918. 6 июня; 1919. 12 февр.
- Уральский край. 1908. 28 сент.; 1911. 6 апр.; 27 мая.

Исследования

- Бахарев Д. С., Бобицкий А. В. Экономическое пространство Екатеринбурга в 1914 г. (по материалам городской телефонной сети) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 110–128. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.067>
- Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Развитие православного ландшафта в современном российском мегаполисе (на примере Екатеринбурга) // Религиоведение. 2017. № 4. С. 143–153.
- Бахарев Д. С., Заболотных Е. А. Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 4. С. 889–904. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>
- Бугров К. Д. Столичная идентичность и градостроительное развитие Екатеринбурга (конец XIX — начало XXI в.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 3(80). С. 17–27. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3\(80\)-17-27](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3(80)-17-27)
- Букин В. П., Пискунов В. А. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982.
- Голобородский М. В. Роль храмов в пространственно-планировочной структуре Екатеринбурга XVIII–XIX вв. // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2010. № 4. С. 9–17.
- Дашкевич Л. А., Рукосуев Е. Ю. Движение за создание высшего технического учебного заведения на Урале в конце XIX — начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. 2013. № 8. С. 165–174.
- Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998) / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Екатеринбург, 1998.
- Журавлева Н. И., Мельникова С. В., Поршнева О. С. Трансформация статуса и имиджа Екатеринбурга-Свердловска в исторической динамике (XVIII–XXI вв.) // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2016. № 1. С. 10–15.
- Звагельская В. Е. Эkleктика в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург : Генри Пуншель, 2007.

Звагельская В. Е. Модерн в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург : Генри Пуншель, 2008.

Зорина Л. И., Слукин В. М. Улицы и площади старого Екатеринбурга. Екатеринбург : Баско, 2005.

Казакова-Анкаримова Е. Ю. Общественные собрания в повседневной жизни уральского города во второй половине XIX — начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 1. С. 111–116.

Клочкова Ю. В. Аномалии уральского города в газетных фельетонах Перми и Екатеринбурга начала XX века // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М. : Институт славяноведения РАН, 2016. С. 258–271.

Козинец Л. А. Каменная летопись города. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.

Кончаковская Н. Б. Повседневность екатеринбургской горожанки из среды интеллигенции в конце XIX — начале XX века (на примере Александры Владимировны Батмановой) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 82–99.

Корепанов Н. С. Очерки истории Екатеринбурга 1781–1831 гг. Екатеринбург : Баско, 2004.

Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2008.

Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 1998. № 9. С. 95–100.

Лыжин С. М. Принципы формирования структуры жилищного фонда крупнейшего города (на примере Екатеринбурга) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. № 2. С. 78–82.

Микитюк В. П. Екатеринбургские предприниматели как агенты позднеимперской модернизации // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) / под общ. ред. В. А. Верменко; С. В. Степанов (отв. ред.). СПб. : Ленингр. гос. ун-т, 2016. С. 159–166.

Микитюк В. П. Автотранспорт в г. Екатеринбурге в начале XX в. // Милютинские чтения. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие российской провинции во второй половине XIX — начале XXI века / ред.-сост. А. Е. Новиков. Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2018. С. 43–50.

Микитюк В. П. Съезды мукомолов в Екатеринбурге // Двенадцатые Татищевские чтения / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : Квадрат, 2020. С. 97–103.

Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга. Городское застолье. Екатеринбург : Альфа принт, 2021.

Нотман О. В. Городская среда как междисциплинарное понятие // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 104–107.

Постников С. П. Историко-культурный ландшафт Екатеринбурга XX века // Архитектон: известия вузов. 2021. № 4(76). URL: https://archvuz.ru/2021_4/11/ (дата обращения: 27.04.2023).

Рабинович Р. И., Низамутдинова Т. М. Улицы Свердловска : справочник. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988.

Сродных Т. Б. Становление системы озеленения Екатеринбурга // Леса России и хозяйство в них. 2009. № 3. С. 48–53.

Худякова М. Ф. Улицы Екатеринбурга. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003.

Черноухов Э. А. Верх-Исетский госпиталь в XIX — начале XX вв. // Документ. Архив. История. Современность. 2021. № 21. С. 48–56.

References

- Alekseev, V. V. (Ed.). (1998). *Ekaterinburg. Istoricheskie ocherki (1723–1998)* [Ekaterinburg. Historical Essays (1723–1998)]. Ekaterinburg: Ekaterinburg.
- Bakharev, D. S., & Bobitsky, A. V. (2022). Ekonomicheskoe prostranstvo Ekaterinburga v 1914 g. (po materialam gorodskoi telefonnoi seti) [Economic Space of Ekaterinburg in 1914 (with Reference to the Materials of the City Telephone Network)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 24(4), 110–128. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.067>
- Bakharev, D. S., & Glavatskaya, E. M. (2017). Razvitie pravoslavnogo landshafta v sovremenom rossiiskom megapolise (na primere Ekaterinburga) [Development of the Orthodox Landscape in the Modern Russian Megacity (with Reference to Ekaterinburg)]. *Religiovedenie*, 4, 143–153.
- Bakharev, D. S., & Zabolotnykh, E. A. (2020). Eshche do voiny: opyt rekonstruktsii chislennosti naseleniia Ekaterinburga v 1913 g. [Even Before the War: The Experience of Reconstruction of the Population of Yekaterinburg in 1913]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: istorija Rossii*, 4, 889–904. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>
- Bugrov, K. D. (2023). Stolichnaia identichnost' i gradostroitel'noe razvitie Ekaterinburga (konets XIX — nachalo XXI v.) [Capital Identity and Urban Development of Ekaterinburg (Late 19th — Early 21st Centuries)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 3, 17–27. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3\(80\)-17-27](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3(80)-17-27)
- Bukin, V. P., & Piskunov, V. A. (1982). *Sverdlovsk. Perspektivy razvitiia do 2000 goda* [Sverdlovsk. Prospects for Development until the Year 2000]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatelstvo.
- Chernoukhov, E. A. (2021). Verkh-Isetskii gospital' v XIX — nachale XX vv. [Verkh-Isetsky Hospital in the 19th — Early 20th Centuries]. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*, 21, 48–56.
- Dashkevich, L. A., & Rukosuev, E. Yu. (2013). Dvizhenie za sozdanie vysshego tekhnicheskogo uchebnogo zavedeniia na Urals v kontse XIX — nachale XX v. [Movement for the Creation of Higher Technical Educational Institution in the Urals in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Gornyy zhurnal*, 8, 165–174.
- Goloborodsky, M. V. (2010). Rol' khramov v prostranstvenno-planirovochnoi strukture Ekaterinburga XVIII–XIX vv. [The Role of Temples in the Spatial-Planning Structure of Ekaterinburg in the 18th – 19th Centuries]. *Academic Bulletin of UralNIIproekt RAASN*, 4, 9–17.
- Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2011). Obshchestvennye sobraniia v povsednevnoi zhizni ural'skogo goroda vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Public Meetings in the Daily Life of the Ural City in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 1, 111–116.
- Khudyakova, M. F. (2003). *Ulitsy Ekaterinburga* [Streets of Ekaterinburg]. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Klochkova, Yu. V. (2016). Anomalii ural'skogo goroda v gazetnykh fel'etonakh Permi i Ekaterinburga nachala XX veka [Anomalies of the Ural City in Newspaper Feuilletons of Perm and Ekaterinburg in the Early 20th Century]. In O. V. Belova (Ed.), *Norma i anomaliiia v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Norm and Anomaly in the Slavic and Jewish Cultural Tradition] (pp. 258–271). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Kozinets, L. A. (1989). *Kamennaia letopis' goroda* [Stone Chronicle of the City]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo.
- Konchakovskaya, N. B. (2019). Povsednevnost' ekaterinburgskoi gorozhanki iz sredi intelligentsii v kontse XIX — nachale XX veka (na primere Aleksandry Vladimirovny

Batmanovoi) [Everyday Life of Ekaterinburg City Women from the Intelligentsia in the Late 19th – Early 20th Centuries (with Reference to Alexandra Vladimirovna Batmanova)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1, 82–99.

Korepanov, N. S. (2004). *Ocherki istorii Ekaterinburga 1781–1831 gg.* [Essays on the History of Ekaterinburg 1781–1831]. Ekaterinburg: Basko.

Koshman, L. V. (2008). *Gorod i gorodskaja zhizn' v Rossii XIX stoletii: Sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [City and Urban Life in Russia of the 19th Century: Social and Cultural Aspects]. Moscow: ROSSPEN.

Kuzmin, A. I., & Orudzhieva, A. G. (1998). Istoriko-demograficheskii portret Ekaterinburga [Historical and Demographic Portrait of Ekaterinburg]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 9, 95–100.

Lyzhin, S. M. (2009). Printsipy formirovaniia struktury zhilishchnogo fonda krupneishego goroda (na primere Ekaterinburga) [Principles of Forming the Structure of the Housing Fund of the Largest City (with Reference to Ekaterinburg)]. *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RAASN*, 2, 78–82.

Mikityuk, V. P. (2016). Ekaterinburgskie predprinimateli kak agenty pozdneimperskoi modernizatsii [Ekaterinburg Entrepreneurs as Agents of Late Imperial Modernisation]. In A. V. Novikov (Ed.), *Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost' (regional'nyi aspekt)* [Material Factor and Entrepreneurship in the Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity (Regional Aspect)] (pp. 159–166). St Petersburg: Leningrad State University.

Mikityuk, V. P. (2018). Avtotransport v g. Ekaterinburge v nachale XX v. [Motor Transport in Ekaterinburg in the Early 20th Century]. In V. A. Veremenko, & S. V. Stepanov (Eds.), *Miliutinskie chteniia. Sotsial'no-ekonomicheskoe, politicheskoe i kul'turnoe razvitie rossiiskoi provintsi vo vtoroi polovine XIX – nachale XXI veka* [Milyutin Readings. Socioeconomic, Political and Cultural Development of the Russian Province in the Second Half of 19th – Early 21st Centuries] (pp. 43–50). Cherepovets: Cherepovets State University.

Mikityuk, V. P. (2020). S'ezdy mukomolov v Ekaterinburge [Congresses of Flour Millers in Ekaterinburg]. In I. V. Poberezhnikov (Ed.), *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniia* [Twelfth Tatishchev Readings] (pp. 97–103). Ekaterinburg: Kvadrat.

Mikityuk, V. P., & Yakhno, O. N. (2021). *Povsednevnaia zhizn' Ekaterinburga. Gorodskoe zastol'e* [Everyday Life of Ekaterinburg. City Feast]. Ekaterinburg: Alfa Print.

Notman, O. V. (2021). Gorodskaja sreda kak mezhdistsiplinarnoe poniatie [Urban Environment as an Interdisciplinary Concept]. *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika*, 12, 104–107.

Postnikov, S. P. (2021). Istoriko-kul'turnyi landschaft Ekaterinburga XX veka [Historical and Cultural Landscape of Ekaterinburg of the 20th Century]. *Arkhitekton: izvestiia vuzov*, 4. Retrieved from https://archvuz.ru/2021_4/11/

Rabinovich, R. I., & Nizamutdinova, T. M. (1988). *Ulitsy Sverdlovsk: spravochnik* [Streets of Sverdlovsk]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Srodnykh, T. B. (2009). Stanovlenie sistemy ozeleneniia Ekaterinburga [Establishment of the System of Landscaping of Ekaterinburg]. *Lesa Rossii i khoziaistvo v nikh*, 3, 48–53.

Zhuravleva, N. I., Melnikova, S. V., & Porshneva, O. S. (2016). Transformatsiia statusa i imidzha Ekaterinburga-Sverdlovsk v istoricheskoi dinamike (XVIII–XXI vv.) [Transformation of the Status and Image of Ekaterinburg-Sverdlovsk in Historical Dynamics (18th–21st Centuries)]. *Chelovek v mire kul'tury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniia*, 1, 10–15.

Zorina, L. I., & Slukin, V. M. (2005). *Ulitsy i ploshchadi starogo Ekaterinburga* [Streets and Squares of Old Ekaterinburg]. Ekaterinburg: Basko.

Zvageľ'skaya, V. E. (2007). *Eklektika v pamiatnikakh arkhitektury Sverdlovskoi oblasti* [Eclecticism in the Architectural Monuments of Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg: Genri Pushel.

Zvageľ'skaya, V. E. (2008). *Modern v pamiatnikakh arkhitektury Sverdlovskoi oblasti* [Art Nouveau in Architectural Monuments of Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg: Genri Pushel.

Яхно Ольга Николаевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: mrsyakhno@mail.ru

Yakhno, Olga Nikolaevna

PhD (History), Senior Researcher
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya St.,
620990 Ekaterinburg, Russia
Email: mrsyakhno@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-7981-1394>
Scopus AuthorID: 57208656554